

Золотинка

АРОМАТ МЕСТИ

Мистический роман

Певица Золотинка

Аромат мести

«Автор»

2026

Золотинка П.

Аромат мести / П. Золотинка — «Автор», 2026

Человек, совершивший преступление, обязан отвечать за него перед законом. Ни деньги, ни влиятельные родственники, ни знакомства с должностными лицами не должны превращаться в возможность избежать ответственности. Когда этого не происходит, наказания лишается виновный, а надежды на справедливость — тот, у кого отняли близкого человека. Именно в этой пустоте появляются отчаянные решения, о которых прежде человек не мог даже подумать. Справедливый суд необходим не только потому, что преступление не должно оставаться безнаказанным. Он нужен и тем, кто пережил преступление, чтобы им не приходилось годами доказывать очевидное, жить среди неотвеченных вопросов и искать возмездия за пределами закона. Когда виновный отвечает за содеянное без привилегий и покровительства, у пострадавшего остаётся возможность опереться на правосудие. И тогда меньше причин обращаться за помощью к колдуну, а на чужом празднике не появится букет, который дарят не от любви.

© Золотинка П., 2026

© Автор, 2026

Певица Золотинка

Аромат мести

Золотинка

АРОМАТ МЕСТИ

Мистический роман

Пролог

После автомобильной аварии принято говорить о роковой случайности, ошибке водителя, скорости и секундах, которых не хватило. Эти слова нужны следствию: ему предстоит установить обстоятельства, проверить показания, сопоставить документы. Для семьи погибших за ними остаётся совершенно другая действительность. В квартире по-прежнему стоят вещи, купленные накануне. На кухне лежит список продуктов. Родные помнят, о чём говорили утром, и не могут понять, почему столь обычный день оказался последним.

Наталья долго надеялась, что обстоятельства гибели мужа и двух маленьких сыновей будут установлены, а виновная понесёт наказание. Она обращалась в инстанции, искала свидетелей, берегла каждую бумагу. Чем больше времени проходило, тем сильнее её тревожило расхождение между тем, что случилось с её семьёй, и тем, как это объясняли люди, от которых зависело решение. Правды она добивалась законным путём. Но однажды поняла, что больше не верит в справедливый исход.

В её дальнейшей жизни появятся три розовых черенка, незнакомый дом в Сибири и предупреждение, значение которого невозможно будет истолковать двояко. Наталья знала, что исполнение мести может стоить ей собственной жизни. Она услышала это прежде, чем согласилась. Однако ни чужое предостережение, ни мысли о будущем уже не могли вернуть её к тому времени, когда она представляла себе жизнь долгой и счастливой. Эта история началась гораздо раньше появления букета — в семье, которой, казалось, ничто не угрожало.

Глава 1

Своя квартира

Когда Наталья вспоминала первые годы замужества, ей почему-то прежде всего представлялась не свадьба, а ключ на ладони Егора. Обычный, с потёртой латунной головкой, он лежал между ними как доказательство того, что теперь у них есть собственная дверь, которую можно закрыть изнутри. Квартиру молодые купили на деньги, собранные родителями и родственниками. После института оба только начинали работать, поэтому подарок оказался таким щедрым, что Наталья первое время неловко себя чувствовала. Ей казалось, будто за каждым приобретённым стулом стоит чьё-то отложенное пальто, несостоявшаяся поездка или другая необходимая покупка. Егор относился к этому проще: раз помогли, значит, знали, для кого старались; теперь их дело — обустроиваться и не подводить людей.

Однокомнатная квартира находилась на окраине небольшого районного города. Окна выходили во двор, в котором по вечерам собирались соседи, а ранним утром дворник с грохотом выкатывал мусорные баки. Дом был обычный, без особых достоинств, с узкими лестничными площадками и слышимостью, позволявшей невольно знать подробности чужой жизни. Для Натальи, выросшей в квартире, где вечно кому-нибудь мешали то гости, то работающий телевизор, эта тесная самостоятельность казалась роскошью. Она расставляла банки с крупой, спорила с Егором о том, куда поставить письменный стол, и каждый раз радовалась, когда возвращалась с работы к знакомым окнам.

Свадьбу они сыграли скромно. После неё быстро выяснилось, что совместная жизнь состоит преимущественно из дел, которые никто не фотографирует: оплатить коммунальные услуги, купить продукты, починить капающий кран, договориться, кто сегодня задержится в магазине. Егор не считал домашнюю работу женской обязанностью и не умел делать из помощи

событие. Если видел грязную посуду, мыл её; если Наталья возвращалась поздно, разогревал ужин. За это она ценила его сильнее, чем за красивые слова, которых он, впрочем, тоже не жалел, когда находил нужными.

К самостоятельной жизни Наталья привыкала через хозяйственные мелочи. Прежде она могла спросить мать, сколько положить соли в суп или чем вывести пятно с новой скатерти, а теперь предпочитала сперва справляться сама. В субботу они с Егором ходили на рынок и учились рассчитывать покупки так, чтобы деньги оставались до следующей зарплаты. Он старательно выбирал картофель, щупал помидоры и всякий раз уверял, что торговался вполне убедительно, хотя Наталья видела, как продавцы с удовольствием уступают ему несколько рублей лишь ради того, чтобы он поскорее определился. Дома они разбирали пакеты, спорили из-за полки для кастрюль, а вечером приглашали кого-нибудь из родных на чай. Ни один из этих дней не казался им особенным. Они только начинали обживать свою квартиру и не знали, как много времени спустя потребуется Наталье, чтобы научиться входить в неё без ожидания знакомых шагов.

Егор вырос в семье, где обещания принято было исполнять без напоминаний. Если он говорил, что починит протекающий кран в воскресенье, то в воскресенье доставал инструменты, даже если с утра хотел просто поспать. Наталья иногда сердилась на эту обстоятельность: муж мог потратить целый вечер, разбираясь с неисправной настольной лампой, которую проще было заменить. Но ей нравилось, что в важных вещах на него можно положиться. Когда заболела её мать, именно Егор отвёз её в больницу, дождался осмотра и вечером привёз домой продукты. Ни о какой особой заслуге он не говорил. Для него семейная жизнь и состояла из таких обыкновенных обязанностей, которые один человек незаметно берёт на себя, чтобы другому было легче.

Работали они много. Наталья порой приносила домой недоделанные бумаги, Егор задерживался после окончания рабочего дня. Денег хватало не на всё, но серьёзных ссор из-за них не возникало. Сначала откладывали на холодильник, затем на стиральную машину; старый диван ещё год терпел их попытки притворяться, будто его пружины вполне исправны. По воскресеньям ездили к родным, где обязательно находился человек, готовый объяснить молодым, как правильнее жить. Наталья слушала вежливо, Егор отшучивался, а дома они решали всё по-своему.

О детях они заговорили не сразу. Наталья хотела немного освоиться на работе и перестать подсчитывать оставшиеся до зарплаты деньги. Егор не торопил её. Когда беременность наконец наступила, радость перемешалась с тревогой, а после первого обследования, показавшего двойню, оба несколько дней ходили оглушённые. Егор первым произнёс вслух то, о чём Наталья уже думала: места в их единственной комнате маловато. Потом огляделся, передвинул кресло к окну и сказал, что кровати как-нибудь поместятся. С его спокойствия начались все дальнейшие приготовления.

Будущая мать составляла списки покупок, вычёркивала лишнее, снова вписывала необходимое и долго выбирала коляску. Крупные вещи достались от знакомых, многое купили родители. К зиме возле шкафа уже стояли сложенные детские кровати, а на верхней полке лежали аккуратные стопки пелёнок. Соседка по площадке, которую весь дом называл тётей Настей, иногда заглядывала и приносила то погремушку, то недавно выстиранную распашонку, сохранившуюся от её внуков. Наталья благодарила, хотя поначалу ей не нравилось, что соседка входит в их жизнь с такой непринуждённостью. Позднее она привыкла к её вниманию и даже стала прислушиваться к простым, практичным советам.

Ожидание ребёнка постепенно перестроило всё вокруг. На холодильнике появились записанные врачом даты, в комнате пришлось освобождать место для будущих детских вещей, а разговоры о том, куда поехать летом, заменились подсчётами и примерками. Когда на обследовании выяснилось, что детей будет двое, Наталья в первую минуту испугалась не родов, а

того, как они поместятся в их единственной комнате. Егор с удивительным спокойствием измерил свободную стену, нашёл объявления о детских кроватках и стал расспрашивать знакомых, что действительно нужно в первые месяцы, а без чего вполне можно обойтись. По вечерам они обсуждали имена, каждый раз находя новые сочетания, и смеялись, когда очередной вариант категорически не нравился другому. Наталье было важно, что будущие дети уже занимают в их жизни реальное место: не на праздничной открытке, а среди незавершённой перестановки, сложенных пелёнок и домашних разговоров.

В семейном альбоме первые годы занимали совсем немного места. У молодожёнов не было привычки фотографировать каждое событие, поэтому о покупке шкафа, первых гостях и воскресных поездках к родителям напоминали в основном вещи. Наталья хранила чек из мебельного магазина, поскольку там от руки была записана нужная ширина полки. Егор смеялся, что когда-нибудь они всё равно переедут и эта бумажка окажется ненужной. Она соглашалась, но выбрасывать чек не спешила. С годами в нём не осталось никакой хозяйственной необходимости, зато на обороте сохранилась торопливая надпись мужа, которую Наталья узнавала среди десятка похожих записок.

Когда стало известно о беременности, родственники старались помочь советами, вещами и деньгами. Особенно суежилась мать Егора: ей хотелось заранее предусмотреть каждую трудность, хотя собственный опыт воспитания ребёнка не всегда подходил семье, ожидавшей двойню. Наталья сначала пыталась следовать всем рекомендациям, затем научилась благодарить и выбирать то, что считала разумным. Егор в этих спорах чаще занимал её сторону. Он видел, как быстро она устаёт, и считал главным, чтобы дома ей было спокойно. Даже новости о предстоящих расходах не меняли его настроения: он записывал суммы в тетрадь, сокращал необязательные покупки и объяснял, что появление детей не может быть неожиданностью, если они их так долго ждали.

Беременность протекала не без обычных тревог. Иногда Наталья просыпалась среди ночи и прислушивалась к себе, проверяя, не слишком ли долго сохраняется непривычная тишина. Она не любила делиться страхами, зато тщательно соблюдала назначения врача и складывала результаты обследований в отдельную папку. Егор сопровождал её, когда позволяла работа, и на приёмах слушал объяснения гораздо внимательнее, чем сам хотел показать. Особенно его беспокоило, хватит ли Наталье сил с двумя малышами. Он попросил у родственников совета, договорился о помощи на первое время и даже составил список домашних дел, которые сможет выполнять без подсказок. Наталья поддразнивала его за серьёзность, но именно эта основательность помогала ей не оставаться один на один со своими тревогами.

Двойня родилась благополучно — два мальчика. Первые недели после возвращения из роддома Наталья почти не различала дни недели. Пока один ребёнок засыпал, просыпался второй; едва удавалось поесть, требовалось кормить кого-нибудь снова. Она порой плакала от усталости, злилась на себя за эти слёзы и стеснялась признаться мужу, что ей трудно. Егор видел это и без признаний. Он вставал ночью, носил детей по комнате и научился по одному изменению голоса понимать, кто из них проснулся. Однажды утром Наталья обнаружила его уснувшим сидя, с детской пелёнкой на плече, и долго не решалась разбудить.

Постепенно их жизнь обрела распорядок. Случались простуды, неудачные бессонные ночи и дни, когда приходилось отказываться от любых планов. Зато дети начали узнавать родителей, тянуть к ним руки и улыбаться не случайно, а вполне осмысленно. Тогда Наталье стало легче. Прежнюю квартиру пришлось подчинить новым привычкам: стол сдвинули к стене, книги подняли выше, проход к двери оставляли свободным для коляски. Егор иногда говорил, что через несколько лет понадобится жильё побольше, но произносил это без жалобы, словно речь шла о задаче, у которой непременно найдётся решение.

Оба мальчика были похожи друг на друга лишь на первый взгляд. Один просыпался от малейшего шума и настойчиво требовал внимания, другой мог проспать разговоры взрослых и

шум воды в ванной, зато возмущался, когда его торопились переодевать. Наталья очень быстро научилась различать их по выражению лица и характерному движению рук, тогда как знакомые долго путались. Егор утверждал, что узнает сыновей с закрытыми глазами, но однажды передал жене не того малыша после купания и сам первым расхохотался над своей уверенностью. По утрам они действовали почти без слов: один менял пелёнки, другой подогревал завтрак, потом менялись местами. Недосып раздражал обоих, и случались ссоры из-за пустяков, после которых было даже неловко вспоминать, кто начал спор. Однако в этой усталой, шумной и тесной жизни не было ничего, от чего им хотелось бы отказаться.

Когда дети немного подросли, Егор взял на себя долгие прогулки по выходным. Он любил ходить без определённой цели, выбирая тихие улицы, где можно было не торопясь катить коляску. Возвращался обычно с мелкими новостями: возле школы ремонтируют крыльцо, в парке открыли ещё одну дорожку, в магазине снова сменили вывеску. Наталья слушала вполуха, продолжая заниматься домашними делами, но рассказы мужа давали ей ощущение, что за стенами квартиры сохраняется обычный мир. В редкие свободные минуты они рассматривали фотографии детей. Егор снимал их слишком часто и не особенно удачно: на многих кадрах была видна только ручка или половина улыбающегося лица. Удалять такие снимки он не позволял, объясняя, что другим они, возможно, и не нужны, зато ему нравится помнить, как всё было на самом деле.

К началу лета детям исполнилось пять месяцев. Наталья уже могла оставить их с мужем на несколько часов, не проверяя каждые десять минут, правильно ли он укрыл одного сына и не забыл ли бутылочку для второго. По выходным Егор охотно уходил с коляской гулять, давая ей возможность спокойно заняться квартирой или просто побыть одной. Эта маленькая свобода нравилась обоим. Случалось, он задерживался в парке, встречая знакомых, а возвращался с подробным отчётом, кто из соседских детей научился ходить и где продают хорошее мороженое. Наталья слушала, раскладывая выстиранные вещи, и думала, что семейное счастье, наверное, так и выглядит: ничего исключительного, зато вечером все дома.

Она не знала, что позже будет вспоминать именно эти мелочи. Не праздничные фотографии и не поздравления на свадьбе, а торопливые шаги Егора в прихожей, скрип колёс коляски, оставленную у раковины кружку. Тогда у неё не было причин запоминать их особенно тщательно. Впереди, как им обоим представлялось, находилась целая жизнь, и на ближайшее воскресенье были самые обыкновенные планы.

Глава 2

Обыкновенное воскресенье

Утро выдалось тёплым, но не душным. Наталья проснулась раньше остальных и несколько минут лежала, прислушиваясь к редкой тишине. Через открытую форточку доносились голоса во дворе, где кто-то уже спорил о парковке. На кухне стояла сушилка с детскими бутылочками, возле стиральной машины ждала корзина белья, а в комнате на спинке кресла висела чистая рубашка Егора. Наталья собиралась наконец разобрать шкафы, протереть окна и вымыть полы — то, до чего не доходили руки всю неделю.

Егор проснулся от возни в кроватках и без лишних разговоров занялся детьми. Он умел собирать их на прогулку не хуже жены, хотя неизменно тратил время на поиски вещей, лежавших на одном и том же месте. Пока Наталья готовила завтрак, муж успел дважды проверить колёса большой коляски и убедиться, что в сумке есть всё необходимое. Один малыш капризничал, второй спокойно рассматривал игрушку, зажатую между пальцами. Егор говорил с ними негромко и серьёзно, будто они понимали каждое слово, и Наталья рассмеялась, услышав, как он объясняет детям, почему папе сегодня не разрешили пить вторую чашку кофе.

После завтрака она открыла шкаф с моющими средствами и спросила, не хочет ли он погулять подольше. Егор согласился с удовольствием. Обещал пройтись по двору, а если дети

будут спать — дойти до парка на другой стороне улицы. Там росли старые деревья, и летом дорожки оставались прохладными даже в полдень. Наталья достала лёгкие покрывала, помогла застегнуть комбинезоны и проводила мужа до двери. На пороге он задержался, потому что забыл телефон на тумбочке; вернулся, сунул его в карман и пошутил, что теперь у них полноценная экспедиция. Она попросила только не пропадать надолго: к обеду собиралась закончить уборку.

Планы на воскресенье возникли ещё в пятницу. Наталья хотела переменить окна, разобрать накопившееся бельё и наконец освободить нижнюю полку шкафа, куда после рождения двойни складывали всё, чему не находилось места. При детях такие дела растягивались на целую неделю. Егор предложил взять сыновей на прогулку после кормления, а заодно купить по дороге хлеб и то, что потребуется к ужину. Они договорились, что он вернётся, когда дети проголодаются, но точного часа не назначали. Летом прогулки нередко затягивались: в тени деревьев мальчики спали лучше, чем дома, и Егор не любил будить их только потому, что взрослым пора обедать. Поэтому Наталья и не придавала значения его словам о том, что может задержаться.

Перед уходом Егор проверил содержимое сумки, закреплённой на коляске. Наталья уже приготовила запасные пелёнки и бутылочки, но он всё равно заглянул внутрь, пересчитал салфетки и вернулся из коридора за лёгким одеялом. Один из мальчиков завозился, и муж несколько минут успокаивал его, привычно покачивая на руках. Наталья стояла рядом, поправляя ворот его рубашки, и торопила с выходом: начинало теплеть, а ей хотелось успеть заняться окнами до полуденного солнца. Воспоминание об этой короткой сцене потом оказалось мучительно отчётливым. Она могла восстановить цвет детской шапочки, скрип двери и даже то, какой рукой Егор придерживал коляску. Не могла вспомнить лишь его последнюю обычную фразу, сказанную уже с лестничной площадки.

Сначала Наталья видела их из окна. Егор неспешно катил коляску по дорожке между домом и детской площадкой, иногда останавливался, чтобы проверить детей. Соседский мальчишка подбежал посмотреть на младенцев, но его позвала мать. Егор поднял голову, заметил жену и махнул ей. Она ответила, отошла от окна и занялась бельём. Позднее этот короткий обмен жестами станет одним из самых мучительных воспоминаний: никаких прощальных слов, никакой тревоги, просто обычный взгляд из окна на мужа, который ушёл гулять с детьми.

Работа продвигалась медленно. Из кухни Наталья перебралась в комнату, затем снова вернулась к плите, потому что решила заодно приготовить обед на два дня. Вскоре запустила вторую стирку, сняла шторы, вымыла подоконник. В квартире стало жарко, и она открыла балконную дверь. Где-то за домом коротко взвыла сирена, но звук быстро удался. Наталья даже не выглянула: на оживлённой дороге неподалёку подобное случалось нередко. Она отнесла мокрые вещи в ванную и снова принялась за своё.

Когда всё было закончено, женщина с удивлением увидела, что после ухода мужа прошло почти четыре часа. Ей показалось странным, что Егор не позвонил хотя бы узнать, готов ли обед. Она набрала его номер и, слушая длинные гудки, посмотрела во двор. Ни коляски, ни знакомой фигуры возле лавочки не было. После второго звонка Наталья решила, что муж, наверное, задержался у знакомых. Возможно, один из детей проснулся и он занялся кормлением, не слыша телефона в кармане. Такое объяснение было разумным, но беспокойство от него не исчезло.

Пока Наталья не знала о случившемся, задержка складывалась для неё из нескольких вполне объяснимых обстоятельств. Муж мог встретить знакомого, зайти в аптеку или остановиться возле парка, чтобы дать детям поспать. Она вспомнила, что раньше сама просила его не звонить каждые полчаса и не спрашивать, какой хлеб купить: от постоянных уточнений выходной превращался в продолжение рабочего дня. Теперь собственное замечание показалось ей неудачной шуткой. Наталья перебрала контакты, попыталась вспомнить, с кем Егор

мог сегодня встретиться, и набрала номер его сестры. Та ничего не знала и предложила подождать ещё немного. Обычные слова не успокоили, потому что Наталья уже вслушивалась не столько в собеседницу, сколько в тишину подъезда. Ей хотелось услышать колёса коляски на лестничной площадке и знакомое движение ключа в замке.

Первые поиски были беспорядочными. Наталья проверила двор и ближайшие дорожки, заглянула на детскую площадку, где сидели другие родители, и прошла к магазину. Несколько человек видели мужчину с двойной коляской, но никто не мог точно сказать, когда именно. Один сосед уверенно назвал утро, другой решил, что встреча была накануне. Наталья благодарила всех и шла дальше, не успевая осмыслить сказанное. По телефону она уже говорила без привычного приветствия, сразу спрашивая о Егоре. Когда ей посоветовали обратиться за помощью в полицию, мысль впервые показалась достаточно серьёзной, чтобы стало страшно. До этого пропажа мужа существовала для неё как неудобная задержка; теперь в происходящем появилось слово, которое прежде относилось только к чужим семьям.

Она позвонила ещё раз, выключила плиту и прошла по квартире, зачем-то проверяя, не оставил ли Егор записку. Телефон продолжал отвечать гудками. Наталья торопливо переоделась, захватила ключи и спустилась во двор. На площадке встретила тётя Настя, возвращавшаяся из магазина с двумя тяжёлыми сумками. Соседка остановилась, увидев Натальино лицо, и сразу спросила, не случилось ли чего. Наталья объяснила, что Егор давно ушёл гулять и перестал отвечать на звонки. Тётя Настя припомнила, что примерно час назад разговаривала с ним возле подъезда другого дома: он сказал, что собирается пройти в парк через дорогу.

Сообщение немного успокоило Наталью. Парк был близко, дорогу до него Егор знал отлично. Возможно, он просто оставил телефон в сумке под коляской и не слышал звонков. Однако возвращаться домой она не стала. Пройдя через двор, женщина вышла к широкой улице, соединявшей жилой район с центром города. Воскресным днём автомобилей было меньше, чем по будням, зато многие водители двигались слишком быстро. Наталья остановилась у перехода, ещё раз набрала номер и услышала те же гудки. Светофор переключился не сразу, и ожидание вдруг показалось ей непривычно долгим.

Она не могла объяснить, почему так торопится. Разум подсказывал самые обыденные причины задержки, но внутри уже возникло неприятное чувство, знакомое каждому, кто слишком долго не получает ответа на простой вопрос. Наталья посмотрела в сторону парка, где за рядами деревьев терялась дорожка, и представила, как Егор спокойно катит коляску навстречу. Это было единственное изображение, которое она могла принять. Других вариантов она пока не допускала.

Глава 3

Чужая дорога

В то же воскресенье из областного центра выехал большой внедорожник. За рулём сидела Лиза, недавно получившая водительское удостоверение. Машину подарил ей отец, занимавший заметную должность в областной администрации. Дочь долго просила именно такую модель и наконец добилась своего. Поездка задумывалась как продолжение празднования покупки: за обедом в ресторане компания выпила, но настроение оставалось настолько приподнятым, что никто не пожелал вспоминать о дороге и ответственности. Друзья легко согласились прокатиться за город. Молодые люди привыкли к тому, что неприятности до сих пор разрешались за них старшими.

Лиза была уверена в себе сильнее, чем позволял её водительский опыт. Хорошая машина слушалась руля, салон казался надёжным, а свободное шоссе обещало быструю поездку. Она любила, когда на неё смотрели с восхищением, и потому реагировала на просьбы притормозить как на неуместное вмешательство. В машине разговаривали громко, перебивали друг друга, обсуждали знакомых и ближайшие планы. Никто не думал о том, что дорога постепенно

перестанет быть междугородней и на ней появятся перекрёстки, дворы, пешеходные переходы. Лиза видела перед собой прежде всего широкую полосу асфальта.

Для Лизы автомобиль был больше подарка. Он стал знаком самостоятельности, которую она до сих пор представляла скорее правом делать выбор, чем обязанностью отвечать за последствия. Отец гордился её успехами, охотно рассказывал знакомым о покупке и считал, что уверенность за рулём придёт с практикой. Сама Лиза прошла обучение, сдала экзамен и воспринимала полученное удостоверение как подтверждение готовности ездить где угодно. Разговоры более опытных водителей она слушала вежливо, но быстро забывала. Никто не объяснял ей, что опасность нередко начинается именно в тот момент, когда человеку кажется, будто сложного уже ничего нет. В тот день она выехала в хорошем настроении и собиралась вернуться до вечера. Никаких планов, которые могли бы показаться роковыми, у неё не было.

О дороге потом будут говорить в показаниях и семейных разговорах, пытаясь отыскать момент, когда всё ещё можно было изменить. Вспомнят погоду, отсутствие пробок, состояние автомобиля и то, во сколько Лиза отправилась из дома. Для Натальи эти подробности станут мучительно важными, хотя она не присутствовала ни при одном из разговоров и никогда не услышит их в полном объёме. Но в то воскресенье ничего не предвещало Лизе необходимости объяснять свои действия. Она ехала через знакомые и незнакомые улицы, разглядывала дорожные указатели и думала о том, что впереди ещё почти целый свободный день.

Егор тем временем уже миновал несколько кварталов. Дети спокойно спали, и он не спешил домой: Наталья просила дать ей побольше времени на уборку. Возле магазина Егор встретил давнего знакомого, с которым давно не удавалось поговорить. Они пошли рядом, вспоминая институтских друзей, работу, общих приятелей. Егор иногда наклонялся проверить коляску, а затем продолжал разговор. Сначала он собирался свернуть к парку раньше, но беседа увлекла их, и они прошли дальше, чем предполагалось.

У остановки знакомому позвонили. Он посмотрел на часы и сказал, что опаздывает на встречу. Мужчины попрощались без долгих обещаний, привычно условившись как-нибудь созвониться. Егор остался один. Он взглянул на спящих детей, поправил край лёгкого покрывала и развернул коляску к переходу. По противоположной стороне улицы можно было выйти к парку и сделать круг перед возвращением домой. Маршрут был обычным, знакомым жителям ближайших домов; именно им пользовались родители с колясками и пожилые люди, шедшие к остановке.

Перед дорогой Егор остановился. Пешеходный светофор запрещал движение, и он терпеливо подождал, удерживая коляску рядом с собой. Дети не просыпались. Из кармана, возможно, уже несколько раз звонил телефон, но среди уличного шума мужчина его не услышал. Когда для пешеходов загорелся зелёный, Егор посмотрел по сторонам и начал переход. Он не мог знать, какой автомобиль приближается к перекрёстку и сколько секунд потребуется водителю, чтобы заметить людей впереди.

Перекрёсток находился на участке, где городская улица заметно расширялась. Со стороны остановки дорогу хорошо просматривали прохожие, но движение оставалось плотным даже в выходной. Егор обычно избегал переходить здесь в часы, когда возле магазинов собиралось много машин. Сейчас у светофора стояли несколько человек, и он расположил коляску так, чтобы никому не мешать. Его внимание было занято не только сигналом: надо было следить за колёсами у края тротуара, за спящими мальчиками, за пакетами, которые он положил в нижнюю корзину. Позднее в деле появятся разные объяснения того, что произошло. Одни свидетели будут помнить цвет светофора, другие — внезапный звук, третьи признаются, что увидели сам момент слишком поздно. Но ни одно показание не сможет восстановить последнюю мысль человека, спокойно собиравшегося вернуться домой.

Внедорожник въехал в город на скорости, не подходившей для улицы с регулируемыми переходами. В дальнейшем будут называть разные цифры; в рассказах очевидцев скорость ста-

нет почти невероятной, но и без неё было ясно, что автомобиль двигался опасно быстро. Кто-то из пассажиров заметил светофор слишком поздно. Возглас прозвучал уже тогда, когда возможности исправить ошибку практически не оставалось. Лиза резко повернула руль, затем нажала на тормоз, однако тяжёлая машина продолжала двигаться вперёд.

Удар произошёл на переходе. Грохот услышали возле остановки, из окон ближайших домов, у магазина на углу. Машина остановилась не сразу. Кто-то побежал к месту происшествия, кто-то вызвал скорую помощь и полицию, несколько человек пытались остановить движение. Спасатели и медики прибыли быстро, но помочь Егору и детям уже не смогли. Для людей, ставших случайными свидетелями, эта сцена останется одной из тех, о которых долго говорят вполголоса. Для Натальи она в тот момент ещё не существовала: женщина находилась дома и продолжала заниматься уборкой.

Пассажиры внедорожника выбрались наружу растерянными. Одни плакали, другие беспрерывно звонили знакомым. Лиза смотрела на происходящее, будто это случилось с кем-то другим. Она не сразу сумела ответить на вопросы, которые ей задавали приехавшие сотрудники. Позже в дело войдут протоколы, объяснения, показания и результаты экспертиз, но в первые минуты существовал только непоправимый факт: водитель автомобиля сбила мужчину, переходившего дорогу с коляской, в которой находились двое младенцев.

Телефон Егора нашли среди его вещей. На экране высвечивались пропущенные вызовы Натальи. Сотрудник, разбиравший документы и пытавшийся установить личности погибших, увидел очередной звонок и ответил не сразу. Сказать человеку о гибели семьи по телефону — задача, к которой невозможно подготовиться даже после многих лет службы. Но Наталья уже искала мужа, а её номер настойчиво появлялся на экране. Мужчине пришлось взять трубку.

К тому времени Наталья стояла у перехода на соседнем участке улицы, не зная, что её поиски начались слишком поздно. Она ждала разрешающего сигнала светофора и смотрела в сторону парка. Телефон в руке зазвонил, и женщина поспешно поднесла его к уху, не проверив, кто вызывает.

Глава 4

После звонка

Звонила сестра Егора. Позже Наталья так и не смогла вспомнить, кто сообщил ей номер и как именно родственники узнали о происшествии раньше неё. В памяти сохранился лишь голос, прерывавшийся плачем, и несколько слов, которые не складывались в понятный смысл. Сестра говорила о беде, о Егоре, о детях. Наталья решила, что ослышалась. Она попыталась переспросить, но вместо ответа услышала рыдания. Вокруг продолжалась обычная воскресная жизнь: люди стояли у светофора, проезжали машины, рядом кто-то обсуждал покупки. Наталье казалось невозможным, что всё это происходит одновременно с тем, о чём ей только что сказали.

Она сразу набрала номер мужа. На этот раз трубку поднял незнакомый мужчина. Он назвал свою должность, уточнил фамилию Егора и попросил подтвердить родство. Наталья ответила, почти не понимая собственных слов. Затем прозвучало то, чего она ещё несколько минут назад не могла даже представить: Егор и оба ребёнка погибли в дорожно-транспортном происшествии. Мужчина продолжал что-то объяснять, спрашивал, где она находится и есть ли рядом близкие, но Наталья перестала различать фразы. Ей не хватило воздуха, колени подогнулись, и она потеряла сознание.

В больнице Наталья несколько раз пыталась назвать имена вслух. Сначала спрашивала о Егоре, потом сразу о мальчиках, словно разделить эти вопросы означало допустить, что ответы могут быть разными. Врачи и родственники старались говорить с ней коротко и осторожно, но осторожность не делала услышанное менее страшным. Первое время Наталья плохо удерживала в памяти последовательность дней. Ей казалось, что она только что разговаривала с

сестрой мужа, хотя та приходила утром, а теперь уже наступал вечер. Иногда просыпалась с убеждением, будто всё случившееся было болезненным сном. Тогда она по привычке искала телефон, чтобы позвонить Егору, и лишь увидев лица окружающих, понимала, где находится.

Её мать почти не покидала больницу в разрешённые часы посещений. Она приносила чистые вещи, пыталась узнать у врачей, когда дочь сможет встать, и решала бесчисленные вопросы, которыми сама Наталья заняться не могла. В семье обсуждали документы, похороны, необходимые обращения, но при Наталье старались не произносить подробностей. Позже она будет чувствовать благодарность за эту заботу и одновременно тяжёлую обиду на то, что важнейшие решения принимались без неё. Никто не хотел отстранять Наталью от собственной жизни. Просто окружающие видели, насколько она слаба, и делали то, что было необходимо в ближайшие часы. Объяснить такую простую вещь человеку, у которого отняли мужа и двух маленьких сыновей, оказалось почти невозможно.

Очнулась Наталья уже в больнице. Сначала всё происходящее воспринималось как затянувшееся недоразумение. Чужая палата, медицинские приборы, незнакомые лица не могли убедить её, что дома больше никто не ждёт. Она просила позвонить Егору, требовала объяснить, где дети, путала время суток и не понимала, почему ей запрещают вставать. Медики объясняли, что после тяжёлого состояния ей необходим покой и наблюдение. Родственники, приходившие к ней, старались отвечать осторожно, но Наталья видела их лица и всё равно задавала одни и те же вопросы.

Первые две недели она провела в отделении реанимации и интенсивной терапии. Врачи говорили о тяжёлой реакции организма на потрясение, нарушениях сердечного ритма и необходимости следить за состоянием сердца. Позже её перевели в обычную палату. Там, среди чужих посетителей, больничных обедов и разговоров соседок, сведения о случившемся стали постепенно превращаться в реальность. Наталья узнала, что Егор и дети похоронены. Близким пришлось принимать решения, которые должна была принимать она сама: выбирать место, оформлять документы, договариваться о прощании. Никто не упрекал её за отсутствие, но именно это отсутствие причиняло ей новую боль.

Сестра Егора навещала Наталью чаще других. Она приносила чистые вещи, уговаривала есть, рассказывала о домашних делах, словно через них можно было вернуть прежний порядок. Иногда женщины сидели молча. Говорить о похоронах сестра не решалась, пока Наталья сама не попросила. Тогда стало известно, сколько людей пришло проводить Егора и малышей, кто помог с организацией, какие цветы положили на могилы. Наталья слушала, опустив голову, и вновь переживала то, чего не видела. От этого рассказы казались страшнее самой неизвестности.

Постепенно начали приходиться сведения о водителе. За рулём находилась молодая девушка, недавно получившая права. Машина принадлежала ей или была предоставлена семьёй; точные юридические формулировки Наталью сначала не интересовали. Она спрашивала лишь, жива ли водитель и задержали ли её. Родственники отвечали уклончиво, опасаясь нового ухудшения её состояния. Позже выяснилось, что девушка — дочь влиятельного областного чиновника. В этих словах для Натальи пока не было ничего особенного. Она считала, что происшествие видели люди, у дороги стоял светофор, значит, обстоятельства можно установить, а виновный понесёт наказание.

В первые дни после больницы Наталья почти не различала людей, приходивших к ней. Одни приносили продукты, другие оставляли деньги, третьи старательно рассказывали, что именно удалось узнать о происшествии. Ни один из посетителей не представлял, насколько мало она способна запомнить из этих разговоров. Позже некоторые подробности приходилось восстанавливать по телефону. Мать завела отдельную тетрадь: отмечала, кто звонил, какие документы просили принести, кому уже передали копии. Наталья поначалу сердилась на эти

записи, словно близкие взялись распоряжаться чужим горем. Только спустя недели она поняла, что без матери потеряла бы и те немногие сведения, которые можно было проверить.

Проведя в больнице около двух месяцев, Наталья наконец смогла вернуться домой. В квартире сохранилось всё, как в то воскресенье. Родные убрали лишь то, что могло испортиться, вымыли посуду и закрыли окна. Коляски не было, детские кровати стояли у стены, на полке лежали маленькие вещи, приготовленные на вырост. Наталья переступила порог и остановилась, будто попала в чужое жильё, где почему-то знала расположение каждого предмета. Она долго не могла войти в комнату, хотя там не происходило ничего пугающего. Невозможным было именно отсутствие привычных звуков.

Домой Наталья вернулась не одной: родственники настояли, чтобы первые дни кто-нибудь оставался рядом. В квартире всё было знакомым и одновременно чужим. Слишком аккуратно стояли чашки, слишком ровно были сложены детские вещи. На кухне висело полотенце, которое Егор однажды купил по дороге с работы, хотя дома таких полотенец было достаточно. Наталья узнала его сразу и долго не могла заставить себя пройти в комнату. Близкие предлагали переставить мебель, убрать кровати, освободить место, но она попросила ничего не трогать. Ей казалось, что каждый вынесенный предмет уменьшает и без того короткую жизнь детей до нескольких чужих воспоминаний. Родные уступили, хотя понимали: когда-нибудь вопрос о вещах всё равно придётся решать.

В первые недели после возвращения Наталья почти перестала следить за временем. За окнами менялась погода, соседи возвращались с работы, во дворе гуляли дети, а её собственный день измерялся лекарствами, звонками и приездами родственников. Она пыталась читать, но через страницу обнаруживала, что не помнит ни одного предложения. Включённый телевизор раздражал, потому что люди на экране продолжали радоваться и ссориться из-за мелочей. Наталья понимала, что мир не обязан остановиться вместе с её жизнью, и всё же каждый чужой смех казался ей чем-то невозможным. Только бумаги, связанные с происшествием, давали задачу, которую можно было выполнять: получить ответ, записать дату, задать следующий вопрос.

В тот же день она попросила отвезти её на кладбище. Родственники попытались убедить подождать, но Наталья настояла. У трёх могил стояли свежие памятные таблички и цветы, уже успевшие подсохнуть. Женщина опустилась на землю, долго плакала и просила прощения у мужа и детей за то, что не проводила их, не была рядом и не смогла уберечь. Разумом она понимала, что ничем не могла предотвратить случившееся, находясь дома. Однако разум был бессилён перед чувством вины, которое прочно поселилось в ней после больничного звонка.

Родные не торопили Наталью. Они отошли в сторону и дали ей время побыть одной. Когда она поднялась, лицо её стало спокойнее, но спокойствие было обманчивым. На обратном пути женщина впервые спросила подробно о расследовании: кто видел происшествие, какие показания дал водитель, есть ли записи камер, когда состоится суд. Сестра Егора назвала известные ей сведения и пообещала помочь выяснить остальное. Наталья смотрела в окно машины. Теперь её интересовало не только то, как жить дальше, но и кто ответит за гибель троих людей.

Вечером она достала папку, куда родственники сложили медицинские справки, свидетельства и полученные после происшествия документы. Бумаги пахли канцелярией и больницей. Наталья разложила их на столе, но быстро обнаружила, что в них почти ничего не сказано о самом столкновении. Была указана дата, место, имена погибших. Ответов на вопросы, которые мучили её, не было. Она собрала папку заново и решила на следующей неделе начать разбираться с тем, что произошло на дороге.

Глава 5

Показания

Первые недели после выписки Наталья жила по необходимости. Просыпалась рано, хотя больше никто не звал её из кроваток; машинально ставила на стол две кружки, затем убирала одну. Она не могла смотреть на детскую одежду и в то же время не позволяла родственникам трогать её. Ей советовали сменить обстановку, уехать к матери, пожить некоторое время у сестры Егора. Наталья благодарила и отказывалась. Ей казалось, что если она оставит квартиру надолго, исчезнет последняя связь с домом, куда муж и дети должны были вернуться после прогулки.

С документами помогал родственник Егора, знакомый с порядком обращений в государственные учреждения. Он объяснил, какие сведения можно запросить официально, кому направлять заявления и почему устные разговоры не заменяют письменных ответов. Наталья начала вести тетрадь: записывала фамилии, даты встреч, номера телефонов, краткое содержание разговоров. Вначале ей было трудно сосредоточиться даже на нескольких строках. Однако постепенно эти записи стали единственным занятием, которое требовало от неё собранности и не оставляло времени для бесконечного возвращения к утрате.

На месте происшествия она побывала с сестрой Егора. Широкая улица ничем не отличалась от соседних: проезжая часть, разметка, светофор, остановка, магазин неподалёку. Лишь у ограждения лежали увядшие цветы, оставленные кем-то из местных жителей. Наталья долго стояла возле перехода, пытаясь представить, как Егор шёл с коляской и откуда приближался автомобиль. Она заметила, что зелёного сигнала хватает, чтобы спокойно пересечь дорогу, если водители выполняют правила. Это наблюдение показалось ей очевидным, но позже оно станет предметом споров, которые Наталья не ожидала услышать.

Когда Наталья впервые приехала к перекрёстку после больницы, она рассчитывала увидеть место, в котором произошла трагедия, и почувствовать хотя бы часть того, что испытал Егор. Но перед ней была обычная городская улица. Люди переходили дорогу с сумками, разговаривали по телефону, торопили детей. Никто не оглядывался на асфальт так, как смотрела она. Наталья долго стояла у ограждения, пока сестра Егора не предложила уйти. В тот день она поняла, почему родственники сначала отговаривали её от поездки: здесь не было ответа, который мог бы облегчить потерю. Были лишь знаки, разметка и люди, для которых дорога давно снова стала дорогой.

Некоторые очевидцы говорили о большой скорости внедорожника и о том, что мужчина начал переход на разрешающий сигнал. Другие не видели момента удара, а лишь прибежали на шум. Были и люди, которые ничего не хотели вспоминать: кто-то боялся ошибиться, кому-то надоели расспросы, кто-то прямо признавался, что не желает связываться с влиятельной семьёй. Наталья не обвиняла их. Она понимала разницу между человеком, увидевшим происшествие, и тем, кто услышал о нём через час. Но поразительно быстро вокруг события появились взаимно исключающие версии.

В официальных беседах ей всё чаще говорили, что проверка продолжается и выводы делать рано. Наталья старалась не спорить с этими словами: она хотела, чтобы обстоятельства установили точно. Однако постепенно выяснилось, что внимание стали уделять поведению самого Егора. Кто-то утверждал, будто он вышел на дорогу не вовремя; всплыли разговоры о его возможном опьянении. Наталья знала, что муж отправился гулять с младенцами совершенно трезвым, и требовала объяснить, на чём основаны подобные предположения. Вместо определённого ответа получала ссылки на материалы, с которыми пока не могла ознакомиться полностью.

Об отце водителя Наталья узнала больше из разговоров, чем из документов. Одни уверяли, что он способен решить любую проблему; другие просили не преувеличивать его влияние. Эти мнения не помогали ей понять, что происходит с делом. Важнее было другое: сама Лиза не пыталась связаться с семьёй погибших. Не последовало ни личного объяснения, ни попытки поговорить с вдовой. Позже Наталье сообщили, что девушка уехала за границу. Это

известие усилило подозрения, но не доказывало само по себе, каким образом поездка была связана с расследованием. Наталья продолжала добиваться официального ответа.

Слухи о семье Лизы Наталья записывала отдельно от официальных сведений. Слишком часто их передавали со словами «все знают», но никто не мог назвать человека, который видел соответствующий документ или слышал разговор лично. Иногда она ловила себя на желании поверить самому худшему, потому что это давало происходящему простое объяснение: виновная сторона защищена, поэтому дело не движется. Но объяснение не доказывало оттого, что казалось убедительным. Наталья злилась на себя за такие сомнения, а потом снова открывала папку и перепроверяла даты. Ей хотелось не только наказания, но и уверенности, что она не обвиняет человека на основании чужой догадки.

Знакомые по-разному относились к её настойчивости. Одни приносили вырезки из газет о похожих авариях, другие рассказывали о родственниках, добивавшихся пересмотра решений годами. Наталья выслушивала их, благодарила и редко следовала советам сразу. Большинство людей не стремилось навредить ей; они просто хотели сказать что-нибудь полезное, когда обычные слова сочувствия уже исчерпались. Но каждое новое предложение требовало сил, которых у неё становилось меньше. Порой она завидовала тем, кто мог вечером закрыть дверь и заняться своим ужином, не возвращаясь мысленно к зелёному сигналу светофора и короткому пути домой, который семья так и не закончила.

Домой она возвращалась всё более утомлённой. По вечерам перечитывала свои записи и замечала, как одни и те же вопросы переходят из заявления в заявление. Что показывал светофор в момент столкновения? Какова была скорость машины? Проводилось ли освидетельствование водителя? Какие показания учтены? Почему сведения, изложенные родственникам, не совпадают с тем, что рассказывают свидетели? Каждый из этих вопросов имел понятный смысл, но вместе они создавали картину, в которой Наталья всё меньше доверяла словам людей, обязанных установить истину.

Однажды ей передали, что знакомый семьи чиновника готов помочь материально. Наталья отказалась даже обсуждать сумму. Она не считала, что деньги могут заменить суд или хотя бы разговор о том, что сделала водитель. Само предложение показалось ей оскорбительным, хотя родственники пытались объяснить, что речь могла идти и об обычной помощи пострадавшей семье. После этого Наталья стала особенно осторожной: просила всё оформлять письменно и никому не позволяла отвечать за неё. Понемногу мягкая, прежде охотно уступавшая женщина училась говорить твёрдое «нет».

Следующий официальный ответ она получила в конце рабочей недели. Формулировки были сухими и осторожными, окончательного объяснения происшествия по-прежнему не давали. Зато из документа следовало, что проверяется версия нарушения правил со стороны пешехода. Наталья несколько раз прочитала соответствующий абзац. Она вспомнила мужа, который всегда ждал разрешающего сигнала, даже когда дорога была пустой, потому что считал: привычка соблюдать правила важнее выигранной минуты. Теперь его поведение после смерти пытались описать совсем иначе.

Она положила лист на стол рядом с фотографией Егора и детей. Ещё недавно ей казалось, что достаточно сообщить следователям всё известное, дождаться результатов экспертиз и судебного решения. Теперь Наталья понимала, что ей придётся бороться и за право мужа остаться в документах тем человеком, каким он был на самом деле. До мысли о мести было ещё далеко. Пока она требовала только расследования и ответа на простой вопрос: почему человек, переходивший дорогу с двумя младенцами, оказался представлен причиной собственной гибели?

Часть вторая. Поиски справедливости

Глава 6

Вопрос о зелёном свете

На следующий день Наталья снова разложила бумаги на кухонном столе. Она давно перестала убирать их в папку после каждого разговора: один ответ тянул за собой другой, а между датами и регистрационными номерами возникали пробелы, которые никто не спешил объяснять. В последнем письме говорилось, что обстоятельства наезда устанавливаются, и одновременно упоминалась возможная неосторожность пешехода. Само по себе это ещё не означало окончательного вывода, но Наталья хорошо помнила, как быстро осторожное предположение превращается в удобное объяснение. Егор не мог возразить. Детей тоже никто не спросит, что они видели в последние секунды своей жизни.

За несколько недель Наталья убедилась, что обычные слова, сказанные в коридоре или по телефону, почти невозможно потом восстановить точно. Один сотрудник просил перезвонить, другой обещал уточнить сведения, третий советовал обратиться письменно. Никто не отказывал ей грубо, и именно поэтому она поначалу возвращалась домой с ощущением, будто дело сдвинулось. Но вечером, раскладывая бумаги, не находила ни одного документа, который подтверждал бы этот сдвиг. Она завела тетрадь с датами обращений и краткими записями ответов. Тетрадь постепенно заполнялась, а главные вопросы оставались прежними.

Особенно мучило её несовпадение двух рассказов об одном и том же перекрёстке. Первые знакомые, подошедшие к ней после похорон, говорили о машине, которая двигалась слишком быстро. Позднее в официальных формулировках появилась возможность нарушения со стороны пешехода. Наталья понимала, что свидетели ошибаются, а впечатление о скорости на глаз ненадёжно. Ей было необходимо другое: чтобы каждую версию проверили, а не приняли ту, которую проще изложить на одной странице. Она перечеркнула в черновике слово «скрывают» и написала вместо него «прошу установить». Это была уступка не собственной уверенности, а точности.

Она выписала на отдельный лист всё, что следовало проверить: режим работы светофора, положение автомобиля после столкновения, следы торможения, показания людей, находившихся возле остановки. Вспомнила слова женщины из соседнего дома, утверждавшей, что переход был открыт для пешеходов. Та видела Егора ещё у бордюра, но удар — уже боковым зрением, когда от резкого звука повернула голову. Другой свидетель слышал визг и видел, как машина пронеслась мимо торгового павильона. Наталья не собиралась складывать из чужих впечатлений готовый приговор. Ей требовалось понять, почему в бумагах почти ничего не говорилось о том, на основании чего появилась версия о нарушении со стороны мужа.

Она несколько раз начинала составлять вопросы как обвинение, затем откладывала ручку и перечитывала написанное. То, что для неё было живым воспоминанием, для человека, впервые открывшего заявление, выглядело набором противоречащих друг другу сообщений. Наталья научилась указывать, откуда знает тот или иной факт. Если видела сама — писала об этом прямо. Если слышала от другого человека — называла источник, когда имела на это разрешение. Сначала такой порядок казался нестерпимо сухим, будто она предавала память семьи. Потом поняла: именно так у её слов появлялась возможность быть проверенными.

Сам перекрёсток она восстанавливала в уме во всех мелочах. Егор вышел с детьми ненадолго; дома их ждали обед и обычные дела. В том дне не было ничего, что могло бы предупредить о несчастье. Даже теперь Наталья замечала, что пытается вставить в воспоминание недостающую примету: задержавший его разговор, забытый телефон, внезапный дождь. Ничего подобного не было. И это раздражало сильнее чужих советов. Трагедия произошла посреди обычного воскресенья, не дав никому возможности подготовиться.

В районном отделе её приняли после долгого ожидания в коридоре. Молодой сотрудник внимательно выслушал просьбу, проверил данные и разъяснил, что не все материалы могут быть предоставлены немедленно. Он говорил ровно, без грубости, но постоянно поглядывал на часы, а Наталье казалось, что для него их разговор — одна из многих неприятных обязанно-

стей. Она попросила зарегистрировать письменное обращение и выдать отметку о его приёме. После больницы, похорон и бесконечных сочувственных разговоров это было единственное, чему она научилась безоговорочно: не уходить с обещанием, если можно оставить бумагу.

В коридоре рядом с ней сидели люди с собственными папками. Пожилая пара спорила шёпотом о каком-то сроке, молодой мужчина несколько раз доставал из конверта одну и ту же справку. Наталья впервые заметила, что для учреждения её горе не является исключительным случаем: здесь все чего-то добивались и все знали цену ожиданию. Это не заставило её считать свои требования менее важными. Наоборот, она поняла, почему вопрос должен быть задан так, чтобы на него пришлось отвечать по существу, а не общими словами.

После приёма Наталья записала сказанное сотрудником почти дословно, пока детали ещё были свежи. Ей не хотелось приписать человеку обещание, которого он не давал. Выйдя на улицу, она остановилась возле киоска и некоторое время искала в сумке ключи. В этот момент неожиданно вспомнила, как Егор всегда звонил ей после любых поездок с мальчиками, даже если задерживался всего на десять минут. Телефон молчал, и она не могла отделаться от нелепого желания проверить, не пропущен ли звонок.

Возвращаясь домой, Наталья зашла к переходу. Здесь всё продолжалось как прежде: автомобили останавливались перед стоп-линией, школьники перебежали на мигающий сигнал, пожилой мужчина терпеливо ждал зелёного, хотя улица на несколько секунд опустела. Она простояла целый цикл, затем второй. Пешеходный сигнал включался после задержки, движение по соседней полосе завершалось не сразу. В этом не было ничего необычного для регулируемого перекрёстка, но Наталья впервые подумала, сколько отдельных секунд и решений заключено в привычном движении через дорогу. Ни один её подсчёт не мог восстановить тот день, зато помогал задавать вопросы точнее.

У перекрёстка она пробыла дольше, чем собиралась. За полчаса движение сменилось несколько раз: машин становилось то больше, то меньше; кто-то спешил на поворот, кто-то останавливался заранее. Наталья не пыталась повторить произошедшее и не подходила к проезжей части. Она смотрела на людей, которые ждали сигнала, и думала о том, как легко потом пересказать несколько секунд так, словно каждое движение было очевидным. Для Егора эти секунды закончились здесь. Для остальных участников движения это был короткий шум, после которого дорога постепенно вновь стала дорогой.

Возле остановки продавали сезонные яблоки. Женщина за складным столом помнила сам день аварии: помнила толпу, милицескую машину и собственный испуг, но не могла уверенно сказать, кто на какой сигнал вышел. Наталья поблагодарила её и ничего не записала. Раньше ей показалось бы, что собеседница уклоняется от ответа. Теперь она понимала ценность честного «не видела» и старалась не заставлять людей дополнять память тем, чего в ней не осталось.

Вечером позвонила сестра Егора. Она принесла Наталье продукты и осторожно спросила, не стоит ли хотя бы ненадолго отложить бумаги. За этим вопросом не было желания заставить её забыть погибших: семья видела, как она худеет, почти не спит и каждую свободную минуту проводит с телефонной трубкой. Наталья объяснила, что не ищет виноватого любой ценой. Виновный должен быть установлен на основании фактов, а не потому, что чей-то отец занимает высокий кабинет. Сестра мужа ничего не возразила. Она лишь убрала с края стола чашку, чтобы не пролить чай на обращения, и осталась до позднего вечера.

Сестра Егора принесла не только продукты, но и запасные лампочки, которые давно собирался купить брат. Наталья обнаружила их на столе уже после ухода гостей и неожиданно заплакала. Такие мелочи казались почти издевательством: большой, надёжный человек исчез, а в квартире по-прежнему перегорали лампы, приходили квитанции и требовалось покупать хлеб. Родственники помогали насколько могли, но никто не решался трогать вещи Егора. Наталья сама не знала, просить ли их об этом. Пока всё оставалось на местах, можно было хотя бы иногда пройти по квартире привычным маршрутом и не встретиться с окончательностью утраты.

Позднее она позвонила свекрови. Разговор был недолгим и неловким: обе старались не произносить лишнего. Мать Егора спросила, не нужно ли приехать на выходные, и Наталья впервые ответила, что лучше пока побыть одной. Она уже начала замечать в себе неприятную нетерпимость к заботе. Когда близкие советовали поесть, поспать или выйти на воздух, ей слышалось требование на время отложить единственное дело, которым она ещё могла помочь мужу и детям. Разумом Наталья понимала несправедливость такого чувства и от этого сердилась на себя ещё больше.

Ночью Наталья перечитала копию заявления. В её первой версии было много вопросов, заданных будто самой себе; во второй остались только сведения, которые можно проверить. Она не знала, поможет ли это делу. Но впервые с возвращения домой почувствовала, что хотя бы часть происходящего зависит от неё: не решение следователя и не показания водителя, а точность слов, которыми она будет добиваться ответа. Лист с вопросами она положила под стекло письменного стола, рядом с фотографией Егора, на которой он смеялся, придерживая рукой сползающую с плеча сумку. Фотография была сделана ещё до рождения детей.

Переписывая заявление, она возвращалась к одному и тому же предложению. Ей хотелось написать, что Егор никогда не нарушал правил перехода с детьми. Но это была характеристика человека, а не доказательство его действий в конкретную минуту. Наталья оставила её в письме как объяснение своей позиции, а рядом попросила сообщить, какими данными подтверждается противоположное предположение. Впервые после трагедии она почувствовала не облегчение, а ясность. Ей удалось отделить собственное знание о муже от того, что ещё предстояло установить.

Утром она отнесла заявление, получила отметку на копии и убрала её в папку. Рядом с домом дети возились в песочнице; один мальчик, приблизительно ровесник её сыновей, упорно пытался перевернуть ведёрко, не рассыпав песок. Наталья замедлила шаг, но не остановилась. До сих пор в самые тяжёлые минуты ей хотелось отвернуться от всего, что напоминало о малышах. Теперь же она решила не обвинять себя за эту слабость. Ей предстояло жить и выполнять самые простые обязанности, даже если пока она не понимала, ради чего.

Глава 7

Те, кто был рядом

Через несколько дней ей перезвонила женщина, с которой Наталья разговаривала возле магазина. Представилась Валентиной Петровной, уточнила, удобно ли говорить, и только потом сказала, что вспомнила ещё одну подробность. В день аварии она ждала автобуса, стояла лицом к переходу и видела, как Егор остановился перед проезжей частью. При нём была двойная коляска, поэтому мужчина держался немного дальше от края, чем остальные. Когда загорелся зелёный, впереди него прошли двое подростков; автомобиль появился спустя несколько мгновений. Валентина Петровна не могла уверенно определить скорость или сказать, сколько метров оставалось до машины. Однако в одном была убеждена: Егор не выбегал на дорогу внезапно.

Валентина Петровна долго не решалась снова вмешиваться в эту историю. После первого опроса она решила, что выполнила всё необходимое, и старалась не проходить мимо места столкновения. Но спустя несколько дней услышала, как у магазина обсуждали происшествие и уверенно повторяли, будто мужчина с коляской выбежал на запрещающий сигнал. Она остановилась, хотела возразить и поняла, что в памяти сохранились не все подробности. Тогда женщина дома записала то, что действительно видела, отдельно отметив моменты, в которых не была уверена. Ей было стыдно перед Натальей за прежнюю нерешительность, хотя сама Наталья не обвиняла её ни в чём.

Наталья слушала, не перебивая. Свидетельница рассказывала о месте, где стояла, о своём повороте головы, о промежутке между резким звуком и криками. Несколько раз она поправ-

ляла саму себя. Для Натальи эти запинки имели значение: человек не подгонял рассказ под ожидаемый ответ. К концу разговора у неё появился список уточнений, но задавать их она решила не по телефону. Легко было превратить воспоминание другого человека в ответ на собственную боль, и Наталья этого боялась.

Наталья попросила разрешения записать этот рассказ и уточнила, давала ли женщина показания. Оказалось, её опрашивали вскоре после происшествия, но разговор был коротким. Она волновалась, путалась в том, что видела сама и что слышала позднее от других, а затем уже никуда не обращалась. Наталья предложила вместе прийти в отдел и сообщить дополнительную информацию официально. Валентина Петровна не отказалась, хотя заметно испугалась самой мысли снова обсуждать увиденное. Они договорились встретиться у остановки в середине недели.

Она спросила, готова ли Валентина Петровна повторить всё официально, и предупредила, что это может потребовать времени и новых встреч. Женщина помолчала, затем согласилась. Наталья ощутила благодарность, но старалась не показать её слишком бурно, чтобы свидетельница не почувствовала обязанности непременно помочь. Обе понимали: от неё требуется лишь правда в пределах того, что она помнит.

После звонка Наталья аккуратно переписала сведения о времени и месте встречи. На кухне лежала раскрытая тетрадь, в которой рядом с датами появлялись короткие пометы: «уточнить», «проверить», «нет подтверждения». Она стала пользоваться этими словами и вне дома. Когда знакомая уверенно рассказывала о влиятельных родственниках Лизы, Наталья спрашивала, откуда это известно. Услышав очередное «все говорят», прекращала разговор. Сплетни давали облегчение на несколько минут, но потом оставляли после себя ещё большую пустоту.

В назначенный день свидетельница пришла с маленькой сумкой и сложенным листом бумаги. Дома она записала всё по порядку, чтобы не забыть, и теперь несколько раз проверяла написанное. Наталья сразу увидела, как нелегко далась ей эта решимость. Женщина не была знакома с Егором, не могла рассчитывать на выгоду и явно не желала вступать в чужой конфликт. Она просто не хотела, чтобы сказанное ею когда-то по памяти исказилось и превратилось в свидетельство против погибшего. По пути до здания отдела они почти не разговаривали.

Перед выходом Валентина Петровна несколько раз сверила написанное со своими записями. На листе было мало слов, и женщина смущалась, будто могла предложить слишком мало. Наталья сказала, что именно эти слова ей нужны. От долгих рассказов, в которых очевидец помнил всё до последней секунды, она уже научилась настораживаться: обычно настоящая память не была такой удобной. В здании отдела они пришли раньше времени и нашли место у окна, где меньше шумели проходящие люди.

Когда свидетельницу вызвали, Наталья вышла в дальний конец коридора. Она не хотела, чтобы присутствие родственницы погибших хоть как-то повлияло на ответы. Ожидание тянулось неровно: то ей казалось, что прошло несколько минут, то она замечала, что успела дважды обойти этаж. За дверью обычным рабочим голосом кто-то задавал вопросы. Наталья подумала, что именно таким голосом — спокойным, привычным — когда-нибудь должно быть произнесено и окончательное решение по делу.

Ожидание затянулось. Валентина Петровна нервно разглаживала лист на коленях, то складывала его, то расправляла. Когда их наконец пригласили, Наталья осталась в коридоре. Позже свидетельница вышла усталой, но заметно успокоившейся: её выслушали, задали уточняющие вопросы и внесли сведения в документ, который она прочла перед подписью. Содержание беседы Наталья узнала только в общих чертах и не пыталась выпытывать больше. Для неё было важно уже то, что теперь это не пересказ, переданный через третьи руки.

На улице Валентина Петровна сразу попросила не обсуждать подробности опроса. Она устала и боялась случайно сказать одно и то же разными словами, а затем услышать, что про-

тиворечит собственным показаниям. Наталья отвела её к остановке и поблагодарила. Они расстались без торжественных обещаний. Вечером свидетельница прислала короткое сообщение, что добралась до дома; Наталья сохранила его, хотя к делу оно никакого отношения не имело.

Уже после этой встречи Наталья впервые призналась себе, что ищет не одного человека, который чудом всё видел, а несколько независимых подтверждений. Ей хотелось, чтобы события встали на свои места и не нуждались в домыслах. Но чем аккуратнее она отделяла знания от предположений, тем заметнее становилось, как мало ещё установлено. Эта работа требовала терпения, которого у неё прежде никогда не было.

После встречи она позвонила родственнику Егора, который помогал разбираться с документами. Тот посоветовал не превращать поиск свидетелей в самостоятельное расследование с опросом каждого прохожего. Можно найти людей, которые действительно что-то помнят, но можно и непреднамеренно повлиять на их воспоминания, повторяя одну версию произошедшего. Наталья согласилась с ним не сразу. Ей хотелось действовать быстрее, чем двигались бумаги, и было мучительно трудно принять, что даже в стремлении добиться справедливости существуют границы.

Родственник Егора напомнил, что свидетели имеют право ошибаться и что спор о светофоре невозможно решить одной человеческой памятью. Наталья не обиделась. Она сама уже дошла до этого вывода, когда сравнила два рассказа и обнаружила, что люди по-разному воспринимают короткие промежутки времени. Ей требовалось понять, какие объективные сведения вообще сохранились. Документы, о которых она спрашивала, не всегда могли быть выданы ей немедленно, и она училась не трактовать каждый отказ как подтверждение злого умысла.

В выходной Наталья поехала к родителям Егора и впервые за долгое время осталась у них до вечера. Они ели на кухне, разбирали старые семейные снимки, говорили о его детстве. Свёкор рассказал, как Егор однажды в школе вернулся домой в чужой куртке и так смутился, что утром сам понёс её владельцу. Наталья улыбнулась, а затем заплакала. Это был один из немногих вечеров, когда память о муже не сводилась к последнему переходу и печатным строкам дела.

Вечером она снова оказалась одна. В комнате стояли две детские кровати, и Наталья не решалась ни переставить их, ни открыть ящики с одеждой. Она вспомнила, как Егор смеялся над её привычкой записывать каждую мелочь, и впервые за многие недели позволила себе разложить возле фотографии не документы, а несколько детских вещей: маленькие носки, мягкую шапочку и погремушку с потёртой ручкой. Через минуту всё убрала обратно. В памяти становилось всё больше подробностей о последнем дне и всё меньше сил представлять, какими дети могли бы вырасти.

Детская комната по-прежнему оставалась почти нетронутой. Наталья иногда входила туда с какой-нибудь понятной целью — открыть окно, вытереть пыль, сложить чистые простыни, — но каждый раз задерживалась у кроваток дольше, чем требовалось. У двух мальчиков были разные привычки. Один засыпал быстро и просыпался от любого стука, второй долго прислушивался к звукам в квартире и успокаивался, только услышав шаги отца. Эти подробности были известны лишь нескольким близким людям. Они никак не относились к расследованию и потому особенно болезненно напоминали Наталье о том, чего нельзя восстановить ни одной экспертизой.

В тот вечер она наконец разобрала маленький пакет с вещами, оставленный в прихожей после похорон. В нём оказалась запасная детская шапочка и смятая магазинная квитанция. Наталья разгладила бумагу, посмотрела на выцветшие цифры и положила её обратно. Она не находила сил решать, что сохранить, а что выбросить. На следующий день купила новую папку для документов и удивилась, насколько легче бывает сделать что-то, у чего есть понятный порядок действий.

Глава 8

Версия для удобства

Первый разговор с представителем семьи Лизы состоялся не в кабинете чиновника и не за закрытой дверью. Наталье позвонил мужчина, назвал себя юристом и сообщил, что хотел бы обсудить возможность добровольной помощи. Он говорил аккуратно, избегал прямых оценок происшествия и несколько раз подчеркнул, что семья водителя понимает тяжесть утраты. Наталья дослушала до конца и попросила прислать любые предложения письменно. Когда собеседник уточнил, о какой сумме компенсации может идти речь, она ответила, что вопрос о виновности и обстоятельствах гибели её семьи никакими переговорами заменить нельзя. Разговор закончился вежливо, но после него ей пришлось долго сидеть у открытого окна, пытаясь унять дрожь в руках.

Юрист говорил осторожно и несколько раз подчеркнул, что представляет не следствие и не саму Лизу в её личных объяснениях, а действует по поручению семьи. Наталья запомнила это разграничение. Ей предлагали деньги на бытовые расходы и возможность обсудить другую помощь, не называя условий отказа от заявлений. Поэтому она не могла утверждать, что её пытались купить. Но само время появления предложения и тон разговора казались ей мучительно неуместными. Она попросила все будущие обращения направлять письменно и завершила разговор прежде, чем голос выдал её растерянность.

Позже сестра Егора объяснила, что семья Лизы, вероятно, тоже не умеет говорить о произошедшем и выбирает понятный им способ действия. Наталья выслушала, но не согласилась. За разговорами о деньгах исчезали Егор и дети, а вместе с ними — необходимость ответить, почему столкновение произошло. Ей не требовалось, чтобы родственники водительницы страдали; она хотела, чтобы причастность каждого была установлена. Однако в самые тяжёлые вечера такое различие удерживать становилось всё труднее.

Само предложение денег не было доказательством чьего-либо вмешательства в расследование. Наталья понимала это умом и всё же не могла отделаться от ощущения, что с ней разговаривают так, будто трагедию можно закрыть взаимными обязательствами. Она вспоминала рассказы знакомых о влиянии отца Лизы, но всякий раз останавливала себя. Слухами нельзя было ответить ни на вопрос о сигнале светофора, ни на вопрос о том, кто находился за рулём в момент столкновения. Даже сведения о состоянии водителя, которые повторяли во дворе с видом бесспорной истины, требовали официального подтверждения.

Она вспомнила, как после смерти соседки по дому кто-то из жильцов собирал средства на похороны. Тогда никто не видел в этом попытки уйти от ответственности: люди просто не знали, чем помочь. Эта память удержала Наталью от резкого письма, которое она сначала собиралась отправить юристу. Она ограничилась просьбой не обсуждать с ней выплаты до выяснения обстоятельств дела. Написанное заняло четыре строки. Перечитав его, Наталья поняла, что впервые сумела защитить собственную границу без обвинения в чужой адрес.

Вечером ей позвонил школьный товарищ Егора. Он узнал о предложении через родственников и сразу заговорил о том, что виновные хотят откупиться. Наталья остановила его. Её раздражало, что люди с благими намерениями охотно превращали чужое горе в уверенную историю о чьей-то испорченности. Она не знала всей правды ни о Лизе, ни о её семье. Но верила, что официальный ответ на вопрос о происшествии не должен зависеть от того, сколько денег у одной из сторон.

Через неделю пришёл ответ на одно из обращений. В нём указывалось, что назначенные исследования ещё не завершены, а оценка действий участников происшествия будет дана по совокупности материалов. Наталья внимательно перечитала эту формулировку и вынуждена была признать, что документ не подтверждал её самого худшего предположения. Но и не объяснял, почему раньше в разговоре с ней уже звучала версия, будто Егор не убедился в безопасности перехода. Она составила новый запрос, на этот раз короткий и предельно конкретный,

попросив разъяснить процессуальное положение дела и порядок получения информации как близкого родственника погибших.

Полученный ответ Наталья читала с карандашом в руке. Она подчёркивала даты, выписывала фамилии и возвращалась к формулировке о совокупной оценке доказательств. Раньше это выражение казалось ей способом ничего не сказать. Теперь она понимала, что в материалах действительно могут существовать разные сведения, требующие проверки. Но каждое официальное письмо должно было хотя бы показывать, что именно сделано. Сопоставляя ответы, она заметила, что некоторые вопросы повторяет уже третий раз, не получая на них предметного разъяснения.

Она составила краткую таблицу на обороте старого календаря. Слева записала вопросы, в соседней колонке — номера писем, затем даты полученных ответов. На столе поместилось всего несколько строк. Этот лист оказался полезнее толстых стопок распечаток: стало видно, какие вопросы остаются без ответа, а по каким ей уже сообщили о проведённых действиях. Наталья не стала прикладывать календарь к очередной жалобе; она использовала его для себя, чтобы не путать факты и ожидания.

Родные всё чаще замечали, что Наталья перестала рассказывать о своих действиях. Не потому, что не доверяла им: каждое сочувственное замечание заставляло её снова проживать случившееся, а попытки убедить себя в благополучном исходе казались опасным самообманом. Её жизнь разделилась на часы работы с документами и часы, когда сил не оставалось ни на что. Дома она ела только после напоминаний, на улице выбирала длинные пути, чтобы не проходить возле детской площадки. Незнакомые женщины с колясками вызывали такую боль, что Наталья иногда отворачивалась прямо посреди разговора.

Наталье становилось всё труднее отделять известное от предполагаемого. Каждый новый разговор приносил будто бы важную подробность, но после уточнения оказывалось, что собеседник сам ничего не видел. Кто-то слышал о влиятельных родственниках Лизы, кто-то уверял, что видел другую машину неподалёку от перехода, а кто-то просто повторял слова знакомых. Наталья заводила отдельный лист для каждого сообщения и отмечала его источник. Она не умела работать с материалами расследования так, как это делали специалисты, зато понимала одну простую вещь: чужая уверенность ещё не делает рассказ достоверным. Со временем именно эта привычка удержала её от нескольких обвинений, которые могли бы разрушить доверие к действительно важным показаниям.

Сестра Егора однажды прямо сказала, что семья боится за Наталью: та похудела, плохо спит и перестала отвечать на обычные вопросы. Наталья хотела возразить, но поняла, что это правда. Несколько дней подряд она почти ничего не ела до вечера, забывала закрыть окна и путала даты в бытовых записях. К врачу её уговорила сходить мать. Тот не произносил громких слов, выслушал жалобы и рекомендовал обратить внимание на сон и питание. Наталья выполнила часть рекомендаций не столько ради себя, сколько потому, что иначе перестала бы справляться даже с письмами.

После этого она ввела простое правило: заниматься материалами дела только в определённые часы. Первые дни правило не действовало, затем она стала хотя бы убирать папку перед сном. Утрату это не облегчало. Иногда по ночам она всё равно выходила на кухню и стояла в темноте, прислушиваясь к пустой квартире. Но к утру у неё оставались силы понять новый документ, а не просто смотреть на него, пока буквы не начинали сливаться.

Однажды у подъезда её остановил сосед, живший этажом ниже. Он осторожно спросил, правда ли, что дело хотят закрыть, и тут же добавил, что слышал это от людей, которым можно верить. Наталья ответила, что никакого окончательного решения ей не сообщали. Сосед смутился и стал уверять, что хотел поддержать. Поднимаясь по лестнице, Наталья впервые ясно осознала, как легко страх и чужие разговоры складываются в картину, от которой потом невоз-

можно отказаться. Она решила не повторять за другими даже те обвинения, в которые самой хотелось поверить.

Уверенность соседа заставила её задуматься о происхождении городских слухов. Почти каждый из них начинался с безымянного знакомого и заканчивался категоричным выводом. О том, что дело непременно закроют, говорили люди, никогда не видевшие материалов. О том, что Лиза уже наказана, рассказывали те, кто не знал даже её возраста. Наталья больше не пыталась спорить со всеми. Она поняла, что сплетни живут своей жизнью и способны исказить любые обстоятельства быстрее, чем их удастся прояснить.

В тот же день она прошла мимо двора, где когда-то гуляла с коляской. Две женщины на лавочке замолчали при её появлении. Наталья не стала выяснять, о чём они говорили. Раньше подобная пауза ранила её, заставляла думать, что за спиной обсуждают и погибших, и её собственное поведение. Теперь она устала искать скрытый смысл в каждом взгляде. Достаточно было того, что действительно происходило.

К концу месяца у неё накопилась толстая папка: ответы, копии обращений, медицинские документы, записи дат и фамилий. На внутренней стороне обложки она написала одну фразу: «Не предполагать там, где можно проверить». Это не сделало ожидание легче. Зато помогло удержаться от поступков, после которых любое её слово могли бы истолковать как попытку давления. Наталья ещё верила, что расследование, каким бы медленным оно ни было, должно завершиться установленными фактами.

Папку приходилось перекладывать в новый скоросшиватель. Старый не закрывался; на уголках писем появились загибы, некоторые листы были исписаны карандашом с обеих сторон. Наталья разложила материалы по датам и внезапно увидела, как быстро менялся её почерк: в ранних заявлениях буквы теснились, последние страницы она заполняла ровно и разборчиво. Снаружи это выглядело как привыкание к бумажной работе. На самом деле она просто научилась не рассчитывать, что человек, читающий письмо, сам догадается о её боли.

Под конец месяца Наталья встретила с подругой, которую не видела после похорон. Они говорили о работе, о знакомых, о ремонте в чужой квартире. Подруга несколько раз осторожно возвращала разговор к Егору, но Наталья сама решила, когда остановиться. Домой она шла с неожиданным чувством вины: почти час удалось провести, не думая о расследовании. Потом поняла, что забыть мужа и детей на час невозможно; она всего лишь позволила себе произнести другие слова.

Глава 9

За закрытой дверью

Со временем Наталья привыкла к особому языку официальных писем. В них почти не встречалось человеческих слов, которые можно было соотнести с её жизнью: ни возраста детей, ни имени Егора, ни описания того, как одна поездка обернулась тремя похоронами. Документы перечисляли обстоятельства, сроки и сведения о проверках. Она училась понимать их без помощи родственников, отмечала различие между установленным фактом и предварительной версией, возвращалась к непонятным выражениям. Чем точнее становились её собственные вопросы, тем труднее было выдерживать неопределённость ответов.

Наталья научилась различать сведения, которые ей сообщали как участнику процесса, и предположения, которыми делились в неофициальной беседе. Сначала всякое упоминание новых материалов обнадеживало. Позднее она просила уточнить, идёт ли речь о документе, о назначенном исследовании или о чьём-то мнении. Нередко собеседнику было нечего ответить. Она не делала из этого вывода о намеренном обмане. Скорее выяснялось, что люди сами плохо ориентируются в длинной цепочке действий, каждое из которых занимает время.

Однажды Наталья вернулась к первоначальному заявлению и прочитала его так, словно оно касалось чужой семьи. В документе были имена, адреса, сухие обстоятельства. Ни одна

строка не передавала, каким человеком был Егор и что значили для неё два маленьких сына. Она хотела дописать это на свободном поле, но остановилась. Боль не становилась менее настоящей оттого, что для установления обстоятельств требовались другие сведения. Эту разницу ей пришлось принимать постепенно.

На очередной встрече ей сообщили, что по части обстоятельств получены дополнительные сведения, но итоговое процессуальное решение пока не принято. Наталья не стала требовать того, что сотрудник не вправе был раскрывать. Она попросила объяснить, какие обращения рассматриваются и на каком основании ей могут отказать в ознакомлении с отдельными материалами. В коридоре после приёма встретила мужчину, потерявшего брата в другой аварии. Тот уже несколько месяцев ходил по тем же лестницам и хорошо знал, какие двери открываются только по предварительной записи. Они недолго поговорили и разошлись, не обменявшись обещаниями помочь друг другу.

На приём Наталья пришла с двумя листами вопросов и решила не отклоняться от них. Если разговор переходил к предположениям о поведении водителя, она возвращалась к тому, какие действия уже выполнены и на основании чего проверяется та или иная версия. Несколько раз сотрудник говорил, что сроки зависят от получения заключений. Она записала названия процедур, не пытаясь угадать результат. Выйдя, Наталья обнаружила, что впервые не чувствует необходимости пересказывать весь разговор родным. Ей было достаточно того, что она сама услышала.

В метро перед ней сидел мужчина с сонным мальчиком на руках. Ребёнок уткнулся отцу в плечо, а тот одной рукой удерживал его, другой неуклюже перелистывал газету. Наталья отвернулась к окну. Она не хотела видеть в каждом чужом жесте напоминание о Егоровой любви к детям, но избавиться от этого не могла. Её боль принимала новые формы: иногда становилась острой от совершенно случайной картины, иногда отступала на несколько часов, когда требовалось сосредоточиться на деле.

Наталья вернулась домой поздно. В почтовом ящике лежало извещение о заказном письме. Она забрала его на следующий день, по дороге в отделение связи заранее стараясь не придумывать содержание. В конверте находилась копия процессуального документа, из которого следовало, что решением по материалу необходимо заняться отдельно: Наталья не соглашалась с оценкой некоторых обстоятельств, и ей разъяснялся порядок обжалования. Не все слова были ясны, но главное она поняла правильно — спор не закончился, а значит, придётся обращаться выше.

Заказное письмо оказалось менее определённым, чем она надеялась. Его содержание отсылало к ранее направленному ответу и сообщало о ходе рассмотрения обращения, не снимая главных вопросов. Наталья несколько минут стояла в подъезде, не решаясь идти домой. Ей захотелось позвонить первому попавшемуся знакомому и рассказать, что снова ничего не изменилось. Но она знала, как закончится разговор: собеседник возмутится, предположит чьё-то покровительство, предложит обратиться выше. Всё это уже было.

Вечером Наталья положила новое письмо рядом с другими и впервые увидела в собственном поведении опасную закономерность. Каждый документ на короткое время возвращал ей надежду, затем оставлял ощущение обмана, даже если в нём не обещали того, чего она ждала. Она попробовала разобраться, что именно считает результатом. Ей нужен был не просто ответ и не только наказание: сначала она хотела услышать точную, подтверждённую картину гибели семьи. Всё остальное следовало за этим.

Она обсудила письмо с юристом, к которому направил её знакомый семьи. Тот не обещал победы и первым делом попросил убрать со стола газетные вырезки и слухи о должности отца Лизы. Важны были документы, показания и правильность процедуры. Он указал на места, где Наталья выдавала собственное убеждение за уже установленное обстоятельство, и предложил заменить такие фразы ссылками на конкретные сведения или вопросами о том, что ещё

не выяснено. Слушать эту критику было неприятно, но Наталья понимала: человеку, который собирается представлять её интересы, она должна доверять больше, чем собственному желанию услышать подтверждение своей правоты.

Юрист, к которому она обратилась, не был знаком с семьёй водителя. Это показалось Наталье важным. Он внимательно просмотрел бумаги, попросил рассказать факты по порядку и несколько раз остановил её, когда она переходила от того, что известно, к тому, что слышала от посторонних. Наталья раздражалась, потому что ей казалось, будто человек не понимает очевидного. Только позже она оценила эту строгость: у каждого предположения появилась своя граница, а у каждого подтверждённого обстоятельства — место в общей картине.

Вместо обещаний юрист предложил определить, какие действия уже предпринимались, какие ответы получены и существуют ли основания ставить вопрос об их полноте. Он сразу предупредил, что жалоба не заменяет доказательств и не может гарантировать желаемого решения. Наталье было тяжело это слышать. За много месяцев она привыкла думать, что настойчивость сама по себе должна приблизить справедливость. Теперь ей объясняли, что можно действовать добросовестно, грамотно и всё же столкнуться с границей того, что удаётся установить.

В следующие дни они составили жалобу. Юрист отдельно проверил, какие полномочия имеет адресат и каких действий можно просить в рамках процедуры. Наталья принесла записи разговоров со свидетелями, объяснила, кто согласился давать показания, и подробно рассказала о непоследовательности некоторых ответов. Там, где документов не хватало, они оставляли открытый вопрос. Законченная жалоба оказалась гораздо короче всех черновики. Наталья долго держала её в руках, прежде чем подписать, будто опасалась, что вместе с последней точкой исчезнет возможность исправить ошибку.

Работа над жалобой заняла не один вечер. Они проверяли даты, сопоставляли письма и убирали эмоциональные оценки, которые не помогали объяснить, какие обстоятельства требуют дополнительной проверки. Наталья с трудом расставалась с некоторыми словами. В них ей слышался настоящий голос её возмущения. Но после третьего чтения она сама увидела: там, где стоит громкое обвинение без подтверждения, читатель перестаёт замечать гораздо более серьёзный вопрос, который можно проверить.

Готовый текст получился короче всех черновики. Наталья перечитала его дома и не испытала привычного облегчения. Она знала, что документ отправится в ту же систему, от которой так долго ждала ясности. Всё-таки в этот раз у неё было ощущение выполненного дела. Она поступила так, как могла, и не подменяла доказательства обидой.

Пока письма уходили по инстанциям, жизнь продолжалась отдельно от них. Наступила осень, вечера стали короче, а Наталья обнаружила, что уже не может вспомнить, чем занималась в день, когда впервые пошёл холодный дождь. Сестра Егора предложила убрать из комнаты кровати до весны. Наталья отказалась без раздражения, но настолько твёрдо, что к разговору больше не возвращались. Ей казалось, стоит изменить привычный порядок вещей, и исчезнет последняя материальная связь с тем временем, когда семья была живой.

Осенние будни складывались из обычных вещей: нужно было платить за квартиру, покупать продукты, отвечать на письма по работе, иногда ездить к родителям. Наталья стала замечать, как окружающие осторожно возвращаются к собственным заботам. Поначалу это казалось ей предательством памяти. Потом она вспомнила, что и сама до трагедии не могла постоянно жить чужим горем. От такого понимания не становилось легче, зато исчезало требование к близким оставаться в одном состоянии вместе с ней.

Перед первыми холодами сестра Егора помогла разобрать шкаф в прихожей. Вещи мужа они не отдавали и не перекладывали без согласия Натальи; просто освободили нижнюю полку, на которой давно лежали чужие зимние ботинки. Наталья удивилась, что способна спокойно обсуждать порядок в доме. Через несколько часов она открыла шкаф и заплакала, увидев

пустое место. Ни одно бытовое решение не означало окончательного прощания, но каждое требовало смелости, которую невозможно было объяснить человеку, не пережившему подобного.

Глава 10

Тишина после ответа

Ответ на жалобу пришёл значительно позже, чем Наталья рассчитывала. К этому времени она научилась не ждать почтальона у окна и не вздрагивать при каждом звонке телефона. Она по-прежнему проверяла сообщения и отмечала сроки в тетради, но большую часть дня старалась занимать делами, не связанными с происшествием. Вернулась к работе на неполное время, хотя быстро уставала и иногда ловила себя на том, что несколько минут смотрит на страницу, не понимая прочитанного. Коллеги относились к ней бережно, но эта бережность лишь подчёркивала, как заметно изменилась её жизнь.

Письмо несколько дней лежало на столе нераспечатанным. Наталья знала, откуда оно, по штампу на конверте, и старалась не связывать с ним определённого исхода. В один из вечеров мать спросила, почему она избегает ответа, которого так добивалась. Наталья не нашла слов. Пока конверт был закрыт, оставалась возможность представить, что внутри содержится что-то новое. Открыв его, пришлось бы снова жить среди формулировок, за которыми она не находила людей.

Когда письмо наконец было прочитано, Наталья заметила неожиданное: теперь она раздражалась не на каждое сухое слово, а на те места, где ответы обходили конкретный вопрос. Эта перемена не принесла спокойствия, но позволила готовить следующие обращения без прежней растерянности. Она уже знала, что надежда не может зависеть от одной подписи. И всё же каждый вечер после работы проверяла телефон, словно кто-то мог внезапно позвонить и сказать, что недостающая часть истории найдена.

В полученном документе разбирались доводы обращения и подтверждалось, что часть обстоятельств ещё требует оценки в установленном порядке. Формулировки были обстоятельными, но не давали Наталье того, чего она ждала: ясного и окончательного ответа, почему погибший муж оказался под подозрением в нарушении правил дорожного движения. Юрист внимательно просмотрел письмо и сказал, что дальнейшие шаги надо выбирать после получения полного комплекта доступных документов. Он не стал обещать, что жалоба сама по себе изменит итог дела. Эта сдержанность когда-то показалась бы Наталье равнодушием; теперь она предпочитала её уверениям, которые ничего не стоили.

В обсуждении с юристом выяснилось, что итоговые оценки ещё не во всём определены. Он предостерег Наталью от слов «закрыли дело», которые уже гуляли по городу: документ, находившийся перед ней, этого не подтверждал. Различие казалось мелочью только со стороны. Для Натальи оно означало, что она обязана ждать и продолжать проверять, даже когда усталость убеждала её, будто всё давно решено за закрытыми дверями.

Наталья спросила, сколько это ещё может продолжаться. Юрист не стал называть срок наугад. Его ответ показался ей жестоким, хотя она понимала, что человек просто не желает обманывать. После разговора она решила на несколько дней оставить материалы дела у него, сохранив дома копии важнейших документов. Пустое место на кухонном столе напугало её сильнее, чем она ожидала. Оказалось, бумажная работа давно стала частью ежедневного распорядка и способом не оставаться наедине с мыслями.

Поздним вечером она достала альбом. На одной фотографии Егор держал одного сына, прижав его к груди, а второй устроился у Натальи на коленях и смотрела мимо объектива. Снимок получился неудачным: кто-то моргнул, край покрывала закрыл часть лица, в углу виднелась оставленная на стуле куртка. Прежде Наталья выбрала бы другой кадр. Теперь этот нравился ей больше остальных, потому что в нём не было ничего приготовленного для чужого взгляда. Он сохранял обычный вечер, каких должно было быть ещё много.

На другом снимке Егор стоял с обоими мальчиками перед дверью квартиры. Они были совсем маленькими, и дети ещё не умели смотреть в объектив по просьбе взрослых. Один крепко держал отца за палец, другой повернул голову в сторону окна. Наталья вспомнила, как долго тогда выбирала кадры и жаловалась, что ничего не получилось. Теперь ей хотелось вернуть не удачную фотографию, а тот вечер, когда она могла позволить себе сердиться из-за пустяка.

Она впервые за много месяцев достала тетрадь, в которой ещё во время беременности записывала семейные хлопоты, а после рождения двойни — вес, первые привычки мальчиков и смешные случаи, связанные с заботой о малышах. Там оставались записи о покупках, коляске, о бессонных ночах и планах на ближайшее лето. Наталья прочитала несколько страниц и закрыла тетрадь. Ей стало ясно, что память о муже и двух сыновьях не должна ограничиваться материалами дела об их гибели. До трагедии у них была своя жизнь, и она имела право вспоминать её не только с болью.

О Лизе Наталья знала немного. Возраст, имя, приблизительные обстоятельства поездки и то, что её семья располагала связями, — всё остальное было смесью непроверенных рассказов. Случайно увидев фотографию девушки среди материалов в интернете, Наталья долго смотрела на лицо, которое прежде существовало для неё лишь в бумагах. Девушка улыбалась, стояла рядом с машиной, и невозможно было по этому снимку определить, что она чувствовала после аварии. Наталью охватила злость: чужая жизнь продолжалась, а её собственная словно остановилась на летнем воскресенье. Она закрыла страницу, так и не написав ни одного слова.

Наталья не стала показывать найденную фотографию родным. Ей было стыдно за то, сколько времени она потратила, рассматривая чужое лицо. Она пыталась увидеть на снимке следы вины, равнодушия или страха, но находила лишь обычную молодую женщину, умеющую улыбаться перед камерой. От этого сердиться было ещё обиднее. В её голове Лиза давно стала человеком, от которого зависел ответ на главный вопрос, хотя Наталья знала о ней лишь обрывки сведений.

Однажды подруга осторожно заметила, что Наталья теперь чаще говорит о Лизе, чем о самом расследовании. Наталья резко ответила, потом извинилась. Замечание попало в точку. Ей начинало казаться, что человеческое лицо виновницы — если вина подтвердится — должно непременно совпасть с масштабом причинённого горя. Но лица устроены иначе. У людей бывают обычные привычки, дни рождения и фотографии даже после чужой трагедии. Принять это Наталья пока не могла.

Зимой Наталья впервые решила съездить на кладбище одна. Дорожки покрылись коркой льда, у оградок намело снег, и до нужного участка пришлось идти медленно, придерживаясь за металлические поручни. Она очистила три таблички, поправила искусственные цветы, присела на низкую скамейку. Здесь ей больше не хотелось обсуждать документы или жаловаться на чужую несправедливость. Она вспомнила сына, который всегда просыпался от скрипа входной двери, второго сына, любившего хватать отца за ворот рубашки, и Егора, обещавшего вернуться к обеду. Память возвращала то, чего не было ни в одном деле.

До кладбища Наталья добралась автобусом, который ходил по редкому зимнему расписанию. По дороге водитель несколько раз останавливался, пропуская пешеходов, и она невольно следила за его руками на руле. На кладбище почти никого не было. Под ногами скрипел снег, ветер заносил старые следы. Наталья принесла свежие цветы и маленькую щётку, чтобы очистить таблички. Она делала это медленно, опасаясь, что, закончив, должна будет уехать обратно в квартиру, где её никто не ждёт.

У ограды она встретила пожилого мужчину, который расчищал дорожку к соседнему захоронению. Они обменялись короткими приветствиями, и на этом разговор закончился. Наталью неожиданно утешило, что никто не спрашивал, почему она пришла одна и кого потеряла. Здесь можно было не объяснять своё горе, не обсуждать чужие версии и не доказывать

очевидного. Существовали просто три имени, высеченные на табличках, и её обязанность не забывать живых людей за этими именами.

Уходя, Наталья остановилась и оглянулась на могилы. Ей предстояло продолжать законную борьбу, и она ещё не представляла, насколько долгим окажется этот путь. Но в тот день впервые возникла мысль, которой она испугалась сильнее остальных: что случится, если все её обращения закончатся ничем? Вопрос не требовал немедленного ответа. Наталья вернулась к автобусной остановке, аккуратно сложила квитанцию за проезд в карман и поехала домой. Позже она не раз вспомнит эту поездку — не как момент принятого решения, а как первый день, когда привычной надежды на справедливое завершение расследования оказалось недостаточно.

Возвращаясь домой, она поймала себя на желании снова открыть страницу Лизы. Потом решила отложить это до утра. Решение было небольшим, почти смешным, но впервые касалось не учреждения и не письма, а её собственного поведения. Наталья понимала: если вся оставшаяся жизнь будет устроена вокруг чужой судьбы, то даже справедливое решение когда-нибудь может оказаться бессильным вернуть ей спокойствие. Пока она ещё верила, что добьётся законного ответа. Только страх перед возможным бессилием этого пути уже начал расти.

На автобусной остановке она ждала двадцать минут. Рядом стояла женщина с двумя одинаковыми детскими шапками в пакете, видимо, возвращавшаяся из магазина. Наталья заметила их и отвернулась. Когда подошёл автобус, она пропустила женщину вперёд, поднялась следом и села у окна. Впереди были новые обращения, бесконечные уточнения и дни, в которые ничего не происходило. Тогда Наталья ещё не знала, насколько сильно её изменит не само горе, а ожидание ответа, которого никто не мог обещать.

Часть вторая. Поиски справедливости

Глава 11

Чужая уверенность

Зима задержалась в городе дольше обычного. В конце марта снег по-прежнему лежал у заборов и в тени гаражей, а на улицах, где уже показался асфальт, вода собиралась в глубоких выбоинах. Наталья привыкла выбирать путь к работе так, чтобы не проходить мимо пешеходного перехода, на котором погибли Егор и дети. Это требовало лишних десяти минут, и она каждый раз убеждала себя, что просто бережёт обувь от луж. Дорога возле парка действительно была разбита, но причина обходного пути была иной. У светофора она неизменно начинала смотреть на проезжающие автомобили, представляя, с какой скоростью может приблизиться один из них, пока человек делает несколько шагов от тротуара до середины дороги. Случайные прохожие не замечали в этом месте ничего необычного. Для них это был перекрёсток, на котором надо дожидаться зелёного сигнала и успеть перейти до смены света.

После очередного ответа из ведомства юрист попросил Наталью прийти с папкой и блокнотом, в котором она отмечала все даты. Его кабинет находился на втором этаже старого административного здания; до него приходилось подниматься по лестнице с истёртыми ступенями. Наталья уже знала, где у входа выключатель, какой стул ближе к окну и сколько приходится ждать, пока секретарь разберётся с посетителями. Знакомство с этими мелочами её угнетало: прежде она не подозревала, что может провести столько времени в местах, куда люди приходят разбираться с чужими решениями. Юрист, просмотрев документы, предложил составить не очередное большое заявление, а короткую таблицу того, что известно достоверно и что ещё нуждается в подтверждении. Наталья сначала восприняла это как ненужную работу. У неё было чувство, что всю жизнь она теперь только и делает, что переписывает одни и те же обстоятельства.

К этим визитам Наталья начала готовиться иначе, чем в первые месяцы. Раньше ей казалось, что стоит принести все бумаги, рассказать подробности и добиться внимательного отно-

шения, как люди сразу увидят то, что очевидно ей самой. Теперь она брала лишь документы, относящиеся к конкретному вопросу, и заранее формулировала, чего именно ждёт от ответа. Юрист приучил её различать обстоятельства, о которых она знала лично, сведения со слов свидетелей и собственные предположения. Разница казалась унижительной: выходило, что жена, потерявшая мужа и детей, должна тщательно подбирать слова, чтобы не ослабить свою позицию. Однако Наталья понемногу поняла, что эта осторожность защищает и память о Егоре. Чем меньше она утверждала без доказательств, тем труднее было отмахнуться от того, что подтверждалось документами.

Они начали с времени аварии. В разных бумагах оно указывалось с расхождением в несколько минут. Само по себе это могло объясняться тем, что одно время было зафиксировано при сообщении о происшествии, другое — в служебной записи. Наталья хотела немедленно назвать разницу подлогом, но юрист остановил её. Для такого вывода не было оснований. Тогда они перешли к сведениям о светофоре. Наталья помнила слова соседки и собственную убеждённость в том, что Егор не пошёл бы через дорогу с коляской на запрещающий сигнал. Но личное знание мужа, каким бы точным оно ни казалось, не заменяло показаний человека, видевшего сам переход. Объяснения очевидцев оказались изложены неодинаково: один человек уверенно говорил о разрешающем сигнале, другой описывал лишь движение машины и сам момент удара, не уточняя, что горело для пешеходов. Наталье пришлось несколько раз перечитать эти различия, прежде чем она согласилась не объединять свидетельства в одно.

Дома она долго сидела над новой таблицей. Слева записывала сведения, подтверждённые документами, справа — вопросы и сомнения. Больше всего ей не нравилась третья графа, которую юрист настоял оставить для обстоятельств, пока не имеющих надёжного источника. Туда попали разговоры об отце Лизы, слухи о поездке за границу и предположения о том, кто мог повлиять на дело. Наталья знала, что эти рассказы ходят по городу, и некоторые казались ей вполне правдоподобными. Но чем внимательнее она пыталась определить, от кого услышала каждую подробность, тем чаще выходила на чьё-то пересказанное предположение. От этого работа не становилась бессмысленной. Напротив, она впервые увидела, сколько пространства между тем, что ей говорили, и тем, что она действительно могла доказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.